

Я.А.Перванов (Италия)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ ЭКСПАНСИВНОГО ДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ

«Основная связь, лежащая в основе всякого знания, состоит не в простой ассоциации между объектами (поскольку это понятие отрицает активность субъекта), а в “ассимиляции” объектов по определенным схемам, которые присущи субъекту» [Пиаже 1983: 90].

1. Введение

Экспансия – это целенаправленные действия X-а (совокупности X-ов) либо состояния X-а, которые или по характеру, или по замыслу, или по результатам способны вызвать изменения в сфере Y-а (совокупности Y-ов), изменить привычный для него статус, норму, создать ситуацию дисбаланса интересов, сил, возможностей, но никогда – в пользу только Y-а. В общем случае экспансия проявляется как влияние, вмешательство в некоторое положение дел на стороне Y-а, поэтому она крепко спаяна с аксиологией говорящего.

Экспансивное действие, с которого сняты аксиологические критерии, выглядит совершенно нейтральным. Онтологических признаков действия мало, чтобы признать его экспансивным. Так, глагол *воровать* имеет своим референтом нейтральное с точки зрения схемы действие <брать/взять что-либо>, обремененное сигнификативными признаками в плане а) отношений собственности и обладания – признак ‘чужая вещь’, б) законности и морали – признак ‘преступный’, в) результата – признак ‘делать своим, присваивать’ [СО 1984]. К этим традиционно «словарным» признакам добавляются: инкогнито X-а (тайно, чтобы никто *не видел*) и вторичный результат аннексии (Y обладает на порядок *меньше*, чем прежде).

Под типом экспансивного действия мы подразумеваем наиболее общие логические характеристики действия, устанавливаемые на базе сопоставления и сближения значений глаголов и определяемые с точки зрения того, каков основной или вторичный результат действия, какие изменения в сфере Y-а вызывает это действие, каковы цели действия. Типология экспансивных действий была разработана автором применительно

к лексическому массиву русского языка [Перванов 1995; 2009]. Выделены и обстоятельно классифицированы следующие типы экспансивных действий: *ликвидирующие действия, деформирующие действия, аннексирующие действия, дезориентирующие действия, понижающие действия, блокирующие действия, действия вмешательства, провоцирующие действия, регулирующие действия, экспансивное поведение.*

Классификация предикатов в идеале должна учитывать все имена, могущие обозначать экспансию, экспансивные качества субъекта и онтологический результат его влияния на Y-а. Это значило бы, что при объеме однотомного словаря в 50000 слов не менее 2000 из них были бы каким-то образом втянуты в исследование, включая существительные, прилагательные, глаголы и наречия. Мы исходим из того, что основными выражителями экспансивного отношения являются глаголы.

2. Задачи

Задачей сопоставительной типологии является определение соотношения всеобщего, общего и специфического в сравниваемых языках [Гак 1983: 8]. Всеобщей чертой языков является тождество их коммуникативной техники: «в основе коммуникации лежит развертывание признаков предмета» [Серебренников 1976: 8]. Общие черты языков устанавливаются в плане генезиса, структурной типологии языковых систем и теории языковых контактов. Специфические особенности языка устанавливаются в его конкретном сопоставлении с родственными или неродственными языками. Так, установлено, что болгарский язык характеризуется четырьмя главными специфическими особенностями, выделяющими его из славянской группы, среди них, в частности, отсутствие склонения существительного и постпозитивный определительный член [ИБЕ 1978: 19-20].

Соизмеримость языков, как неоднократно подчеркивалось, возможна лишь при условии применения к ним одних и тех же мерных единиц [Солнцев 1976; Успенский 1962; Юсупов 1988; Ярцева 1981]. Принцип терминологической адекватности относится как к описанию отдельных уровней языков, так и к методам представления связей единиц в пределах данного уровня. В первом случае существенно единое определение исходной единицы (метаединицы) описания, во втором – специфика представления этой единицы (непосредственные составляющие, члены предложения или понятие «узла» предложения). Указанный принцип хорошо себя зарекомендовал при изучении внутренней сопоставимости языков.

Предлагаемый нами подход – это попытка выявить соотношения двух систем на словарном уровне, но так, чтобы слова были ориентирова-

ны, в первую очередь, на подязыковую реальность (тезаурусную схему) и лишь потом – на речевые акты. На первом месте стоит типология действий, обозначаемых глагольными именами. Эта типология ориентирована на онтологический результат, что позволяет отнести ее к универсалиям, не зависящим от способа обозначения действия (ср.: *лгать – обманывать – придуриваться – мошенничать – вводить в заблуждение; обвесить – обмерить – обсчитать; лжец – обманщик – фальсификатор – лжесвидетель; лживые слова – обманчивый жест – фальшивая улыбка; ложь – обман – подделка* и т.д.).

В самом деле, так ли очевидна связь в языке между глаголами *прятать, видеть, искать, найти*? Для того чтобы определить наличие какой-то связи и ее языковой характер, необходимо спуститься на ранг ниже языка и войти в тезаурусную схему, причем в части дезориентирующих действий. Нейтральное действие <класть что-нибудь куда-нибудь> обозначается глаголами р. *прятать*, б. *скривам* тогда, когда есть Y, который не должен это «что-то» *увидеть*, и в итоге остается в проигрыше. Более того, Y – это лицо, которое *ищет* (*будет искать, но не должно найти*) данный предмет. Таким образом, единственный тип языковой зависимости между этими глаголами, который можно установить и назвать «скрытым отношением», представляет собой мотивированное схемой включение слов в некоторый экспансивный сценарий. Их назначение состоит в том, чтобы маркировать некоторую нейтральную ситуацию с точки зрения нестандартных условий: существует Y, он ищет эту вещь, может ее увидеть, это невыгодно X-у, X прячет вещь. Слова со значениями ‘прятать, скрывать’, появившись и закрепившись в языке, продолжают начатую на тезаурусном уровне связь с глаголами обнаружения: это «новое братство» проникает в словарные дефиниции и проявляется косвенно в толкованиях значений.

Подобную связь мы обнаружим между именами пенитенциарных действий (*наказать, отомстить, проучить* и т.п.) и глаголами помилования: глаголы *миловать, щадить, прощать* и др. семантически включают компонент ‘не наказывать’ и по смыслу сложнее первых. Поскольку они являются именами альтернативных наказанию поступков, они связаны с первыми отображением общей семантики действия; вместе с тем эти отношения не поддаются описанию таким образом, чтобы можно было бы изучать глаголы сами по себе.

Иными словами, на вопрос о том, можно ли схему экспансивного действия причислить к универсалиям, ответ должен быть положительным. Если эти «скрытые ассоциации» между словами являются нитями, посредством которых они вовлекают друг друга в тезаурусное пространство, то нет сомнения, что они стоят усилий лингвиста.

Схема экспансивного действия – это психосемантическая реальность, которая требует своего выражения средствами языка. При этом, однако, способы и средства ее выражения зависят в большой степени от семантического фонда языка, от доступной техники выражения. Различия между русским и болгарским языками, наблюдаемые к настоящему времени, не являются кардинальными. Они свидетельствуют либо о том, что отношение «схема – словесное обозначение» является историческим, т.е. подвержено изменениям, либо о том, что экспликация схемы порождает в каждом языке свое собственное семантическое поле, которое является составной частью идиоматичности языка. Первое положение может служить исходной посылкой, второе нуждается в разработке.

Задачей сопоставительного исследования родственных языков с учетом проявления подязыковых отношений является выявление общего и специфического в системе «подязык – языки А и В».

3. Принцип сопоставительного анализа

Основной принцип, который мы попытаемся соблюдать, не противоречит тем принципам сопоставительного анализа, которые признаны целесообразными в компаративистике. Он состоит в последовательном применении фактора «подязык» к тем параллелям, которые устанавливаются между языками А и В. Вкратце это значило бы наложить данный мыслительный феномен на онтологию двух языков и определить их экспликативную избирательность по отношению друг к другу. В итоге следует определить вербальную степень поляризации семантики действия: на одном полюсе будет находиться язык А, а на другом – язык В.

Сопоставительное исследование такого плана должно показать типический характер проявления связи лексического уровня данного языка с семантикой экспансивного действия. Для этого то, что мы называем «тезаурусной схемой экспансивного действия», должно быть признано основанием сравнения.

Семантика экспансивного действия, понимаемого как односторонний акт некоторого субъекта X, каузирующий изменения в сфере Y-а (в большинстве случаев нежелательные и потому сопровождаемые негативной оценкой действия), может стать тем общим началом, от которого следовало бы отталкиваться при сопоставлении лексических параметров схемы в русском и болгарском языках.

«Ясно, что с категориальной точки зрения это “общее” должно иметь весьма абстрактный характер для того, чтобы без труда обнаруживаться в ряде языков, хотя бы и с достаточными отклонениями, типичными для

того или иного языка» [Ярцева 1981: 57].

Различия между способами втягивания слов в экспансивную парадигму, отмечаемые для русского и болгарского языков, свидетельствуют о том, что семантические признаки этих слов имеют неодинаковую ценность с точки зрения внутрисистемных отношений передачи экспансии. Так, для русского языка более продуктивна модель аннексирующего действия, выражаемая глаголами с *обез-* (*обезлошадить*, *обезденежить*, *обезземелить*, *обезволить*, *обездолить* и др.). С другой стороны, для него не характерны некоторые способы совмещения каузации и результата типа тех, которые выражены в болгарских переходных глаголах *зablуждавам* 'вводить в заблуждение', *отчайвам* 'вводить в отчаяние', *наскърбявам* букв. 'делать скорбящим', *онеправдавам* букв. 'причинять кому-то неправду'. Русские *зablуждаться*, *отчаиваться*, *скорбеть* имеют только субъектную направленность, хотя и связанную с глубинным пациенсом.

При дезориентирующих действиях типа <обмерить, обвесить, обсчитать> прямой объект действия в русском связывается не с материалом (*ткань*, *колбаса*, *деньги*), а с тем, кто получит этот материал в меньшем, чем полагается, количестве. В болгарском отсутствует синестезия значений объекта действия и реципиента в одном предикате. Она может быть выражена либо двучленной структурой, включающей гностический результат 'лжа, мамя' и обозначение действия <премервам, претеглям, броя по-малко>, либо идиомой типа *бия в кантара* букв. 'стукнуть по весам' [РБР 1985-1986].

Наиболее общий принцип гласит: отношение между семантикой фрагмента тезауруса и (группирующимися в лексико-семантические поля) средствами языка А является отношением экспликации схемы. В нем выражается специфика языка А. Обозначим эту связь как вертикальную. Родственные языки А и В сохраняют эту связь в генетическом плане (зона сходств, обусловленных генетическим родством). Перестановка семасиологических акцентов, вхождение иноязычной лексики, угасание единых для А и В ассоциаций между формами и значениями приводят к ситуации существования схемы в двух ипостасях: отношение различия между языками является вместе с тем и отношением двойственности обозначения фрагментов схемы. Эта межъязыковая ситуация может быть обозначена термином «семантическая поляризация действия», а знаки А и В могут рассматриваться как «двоичные знаки». Отношения этого типа являются горизонтальными.

Имплицитность как межъязыковой феномен определяется диспропорциями в структуре двоичного знака. Проба на переводимость является самым эффективным тестом, обнаруживающим эти диспропорции в силу

простой процедуры «вычитания» знака А или В из семантики двоичного знака (АВ). Если один из знаков идет в своей семантике дальше другого в каком-либо направлении экспликации, то другой ровно настолько же имплицитен.

Например, р. *лгать*¹ и б. *лъжа*¹ образуют двоичный знак дезинформирующего действия <говорить что-то, о чем Y знает, что оно не истинно>. Действие замкнуто в сфере X-а, оно безрезультатно, т.к. квалифицируется Y-ом как «неправда»: Y в данном случае – встроенный наблюдатель, выносящий оценку (см. подробнее [Падучева 2007]). Глаголы реализуют одну и ту же семантическую структуру «субъект – действие». Диспропорции в семантической структуре единого знака наступают в тот момент, когда б. *лъжа*¹ вторгается в сферу объекта (сфера Y-а), с этим неизбежно связано обозначение результата (Y *излъган*): *Той ни лъжеше непрекъснато*. Эта диспропорция может быть устранена только включением болгарского *лъжа* (*някаго*) в новый двоичный знак *обманывать*¹ – *лъжа*². Но он является «гетерогенным», поскольку учитывает только горизонтальные связи между языками и оторван от вертикальной связи с концептами схемы, присущей обоим членам гомогенного *лгать* – *лъжа*.

Диспропорция в структуре гомогенного *лгать* – *лъжа* возникает также в связи с тем, что р. *лгать* частично приватизируется другим фрагментом схемы – «принижающие действия». Глагол включается в рубрику имен клеветнических действий, имеющих актантом третье заинтересованное лицо N: *ты лъжеш на меня* (клеветнешь на меня). Эта новая диспропорция устранима при включении глагола *лгать*² в другой гетерогенный знак *лгать*² – *клеветя*¹

Наконец, отметим, что выявленные диспропорции сопровождаются сдвигами в словарях обоих языков. Так, в русском появляются две новые семантические единицы – совершенный вид *налгать* к значению ‘клеветать’, в отличие от *солгать* к значению ‘говорить неправду’, и глагол *оболгать* в качестве корректора семантики глагола *клеветать*.

Движение болгарского *лъжа*² в сторону объектных глаголов по сути является движением к другому гомогенному двоичному знаку *обманывать* – *мамя*, в котором этимологическое тождество частично сохранилось. Это сопровождается утерей смыслового компонента ‘говорить’ и актуализацией семантики гностического эффекта действия ‘каузировать заблуждение, ошибочное действие Y-а’. Таким образом, вербальным итогом этой семантической поляризации действия является также установление третьего гетерогенного знака *обманывать* – *лъжа*.

Итак, в синхронном плане возможны следующие выводы: 1. Гетерогенные двоичные знаки являются выразителями имплицитивных отно-

шений слов в двух языках и представляют собой результат семантической поляризации действия; 2. Русское *лгать* дает отклонение в сторону другого фрагмента тезауруса, в то время как болг. *лъжа*, оставшись в зоне дезориентирующих действий, примыкает к эпилоговым средствам номинации (т.е. ориентированным на результат, а не способ действия); 3. Отношение между гомогенными и гетерогенными двоичными знаками в силу (1) и (2) может рассматриваться на конкретном уровне как соответствие частично-различия в рамках двуязычных двусторонних отношений (об этом см. [Сятковский 1984; Супрун 1987; Червенкова 1982]).

Гетерогенные двоичные знаки возникают также на базе семантико-стилистической иррадиации семантического компонента схемы. В таком плане можно рассматривать соотношения между русскими *врать*, *блуждать* и болгарскими *лъгота*, *ментосвам*. Они также могут являться результатом «импорта» в одном из языков слова, заполняющего лакуну: см. соотношение русского *казнить* и болгарского *екзекутирам*.

Гомогенные двоичные знаки могут возникать также в результате позднейших заимствований. Таково, например, положение русизмов в болгарской лексике: см. *грозя* в значении ‘грозить’ [РБЕ 1977-1987].

Безусловно, большой интерес в семантическом плане представляют случаи отсутствия однословных соответствий в горизонтальных связях языков. Отношения соответствия здесь устанавливаются путем явной или неявной отсылки к вертикальным связям с подъязыком. Случаи подобного рода нельзя объяснить понятием простого двоичного знака (он не существует, см. р. *злоумышлять*, *зубоскалить* и пустоты в болгарском лексиконе).

Переводные словари дают перевод, приближенный к толкованию значения в языке-оригинале: *злоумышлять* – ‘предприемам, замислям престъпление’; ‘имам престъпни намерения’; *зубоскалить* – *подигравам се*; *присмивам се*; *майтая се*; *шегувам се* (см. толкования в [СО 1984]). Глаголы *зубоскалить*, *злоумышлять* являются следствием генерализации не концептуальных, а аксиологических компонентов схемы. На фоне существующих соответствий типа *злоумышленный* – *зломислен*; *скалить зубы*, *скалиться* – *зъбя се* аксиологическая интерпретация действия в русском приобрела форму аксиологического имени экспансии. Болг. двучленное *мисля зло* (някому) замкнуто в рамках нормативного концепта. Болг. *подигравам се*, *присмивам се*, *майтая се* (с някого) проникают в сферу объекта и содержат указание на способ действия – коммуникативные девальвирующие действия.

С точки зрения принятого здесь подхода горизонтальные отношения подобного рода являются отношениями произвольной связи, вытекающей

из вертикального единства источника – фрагмента действий аксиологической девальвации. Вертикальная связь является доминирующей.

Не является существенным для описания подязыковых связей языков А и В вопрос о столкновении культуры отправителя и получателя, поскольку он выходит за рамки системных отношений [Швейцер 1988].

«При рассмотрении предикатов по их значениям выявляется, что их соотношения строятся не столько по принципу многоступенчатой иерархии последовательных членений, сколько как одновременное наложение нескольких оснований деления, причем не всякий раз основание классификации охватывает весь корпус предикатов, а чаще приложимо лишь к определенной их части» [Никитин 1988: 83].

Классификация предикатов по тезаурусным основаниям тоже не универсальна. Но она основана на типологии действий, которая в идеале является универсальной. Вне этой типологии семантика предиката предстает как имманентная сущность. Внутри данной типологии предикаты выявляют свою тезаурусную ориентацию, свои имплицитные свойства и специфические отношения с другими предикатами. Это помогает устранить произвольность, случайность исходного признака классификации и не позволяет рассматривать предикаты как случайное множество слов, что очень важно для анализа глаголов в пределах лексико-семантических групп.

4. Межъязыковая модель фрагмента тезауруса и вопрос семиологического баланса на языковых полюсах

Межъязыковая модель фрагмента тезауруса – это исследовательский конструкт, создаваемый для сопоставительного исследования двух языков. В основе этой модели лежит понятие «двоичного знака». Двоичный знак – это элемент межъязыковой ситуации, семантическая сущность которого определяется не столько в отношении к реальному событию, сколько в отношении к семантическому образу действия, или к тезаурусной семантике действия. Он имплицитен *ab ovo*.

Двоичный знак имеет полярную структуру, обусловленную двойственностью объекта (родственные языки). Его левая (а) и правая (в) части связаны отношениями двоякого типа. Отношения первого типа являются аналогом логической конъюнкции: условием является отсылка к одному и тому же фрагменту схемы. Двоичный знак является «гомогенным», если на его полюсах сохраняется относительное тождество форм и семантическое тождество элементов. Наоборот, он является «гетерогенным», если наблюдается формальное несоответствие при тождественности семантического компонента (б. *беся* – р. *вешать*, б. *сривам* – р. *разрушать*).

Двоичный знак является «пустым», если он устанавливается лишь на общих ассоциациях слов: р. *сваливать* – б. *свалям* ‘снимать’ (о формально сходной лексике двух языков см. [Чонгарова 1992]). Аналогом двоичного знака, или «ложным» двоичным знаком, являются случаи межъязыковой омонимии типа р. *приказывать* – б. *приказвам* ‘говорить’, *подыгрывать* – *подигравам* ‘смеяться над кем-либо’, *бранить* – *браня* ‘защищать’.

Отношения второго типа между компонентами двоичного знака являются аналогом логической дизъюнкции: условием дизъюнкции является центробежная тенденция, характерная для каждого из компонентов в отдельности (о частном проявлении принципа асимметричного дуализма знака см. [Karcevskij 1929]).

Отношения дизъюнктивного типа обусловлены семантической структурой (семантическим структурированием фрагмента тезауруса) каждого языка в отдельности. Дизъюнктивные отношения необходимо описывать с помощью иных двоичных знаков, т.е. они поддаются экспликации в рамках межъязыковой модели только под видом некоторого предельного множества «соположенных элементов» модели. Подобного рода процедуры возможны для двоичных знаков типа *лгать* – *лъжа* (см. предыдущий параграф).

Однако дизъюнктивные отношения в структуре гетерогенных знаков могут подчиняться несколько иным закономерностям. Семантический баланс не всегда задан однозначным отношением знаков (а) и (в) к схеме. Он часто может быть установлен *ad hoc*, для определенного случая. Так, если довериться переводному русско-болгарскому словарю [РБР 1985-1986], напарником русского *портить* в двоичной структуре окажется болгарский глагол *развалям*, причем продиктовано это тем, что за основу берется толкование ‘приводить в негодность’ или ‘делать негодным к употреблению’. Наоборот, в болгарско-русском словаре напарником глагола *развалям* является русский глагол *разрушать*, что продиктовано первичным значением болгарского *развалям* ‘разрушать’. Отношение между *портить* и *развалям* является, таким образом, асинхронным. Если подобное представление может быть признано показателем переводимости и соответствует установке на переводимость, то это не значит, что оно является достаточным основанием для включения слов в двоичный знак.

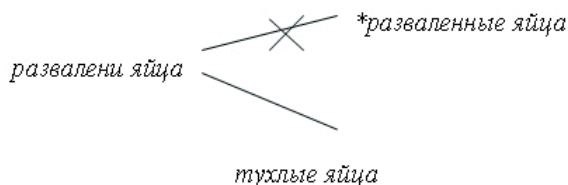
Мы приходим к необходимости различения нескольких видов гетерогенных знаков в зависимости от того, на каком основании определяется их межъязыковой статус – на дизъюнкции первоначального смысла или на конъюнкции вторичных (оценочных) компонентов значения. Отметим, что дилемма в рассмотренном выше случае могла бы быть устранена простым образом: указанием на то, что в результате заимствования бол-

гарский язык уже имеет слово *изпортвам*, восстанавливающее идеальный семиологический баланс *портить – изпортвам*.

Но допустим, что глагол *изпортвам* не только употребляется редко, а его попросту нет. Тогда мы имеем дело с лакуной следующего типа:

А	В
<i>(по)вредить</i>	– <i>(по) вредя</i>
<i>ухудшать</i>	– <i>влошавам</i>
<i>портить</i>	– (отсутствие слова с оценочным компонентом)
<i>делать негодным</i>	– <i>правя негоден</i>

Поскольку рассмотрение этого вопроса неотделимо от импликаций соответствующих фрагментов тезауруса, напомним, что аксиологические предикаты лишены прямой референции, а значит, должны образовывать двоичные знаки с такими же нереферентными именами из класса А; т.е. для того, чтобы глагол *развалям* образовал двоичный знак с русским *портить*, в его семантике должна проявиться генерализация оценки и выхолащивание исходной семантики действия (в данном случае – ликвидирующего). Этот семантический процесс имеет в качестве результата нарушение семиологического баланса в гомогенном знаке *разваливать – развалям*, ср.:

Отношение между *развален* и *тухлый* напоминает отношение в паре *портиться – развалям се*: в обоих случаях дается утилитарная оценка состоянию предмета, а именно: понижение качества пригодности. Следовательно, предикаты *портить* и *развалям*, образующие двоичный знак деформирующего действия, могут рассматриваться как гетерогенное асинхронное образование.

Обобщим сказанное. В случаях подобного рода сохранение тождества предмета исследования возможно путем выделения особого класса двоичных знаков. Назовем их «асинхронными гетерогенными знаками»: будем считать, что они фиксируют в своей двучленной структуре сдвиг члена (а) или члена (в) в сторону другого фрагмента тезауруса, к которому ориентирован в своем исходном значении противоположащий член. Этим

они отличаются от «синхронных гетерогенных знаков» типа *ухудшать – влошавам, казнить – езекутирам*. Оговоримся, что таким образом не «заполняются лакуны» в одном из языков, а устанавливается семиологический баланс в межъязыковой модели тезауруса.

Диспропорции в структуре двоичного знака можно выразить в иных «пропорциональных знаках». Если такое невозможно, целесообразно говорить о семиологическом дисбалансе в макросистемах А и В, который устраняется на подъязыковом уровне либо на уровне описательных речевых выражений.

Приведем характерный пример. Дефиниция ‘делать некрасивым’ может свободно переходить из одного фрагмента тезауруса в другой. Обратимся к рассмотрению ее роли в установлении семиологического баланса между частями гетерогенного знака деформирующего действия, включающего сенсорно-психологическую оценку результата

Обозначим круг глаголов: р. *увечить, калечить, уродовать, безобразить*; б. *осакатявам, обезобразявам*. Номинации деформирующих действий строятся по двум моделям: [Y минус существенный признак] (дефект, деформация) либо [Y плюс несвойственный ему признак]; первая модель действует в рамках эссенциального концепта, вторая – в зоне аксиологии вещей. Несвойственный признак – ‘некрасивый’, существенный признак – ‘целый, здоровый’.

Семантика деформирующего действия отображает эссенциальные изменения в объекте. Вербальная семантика допускает интерпретацию первой как в эссенциальных (+), так и в аксиологических модификациях (-). Таким образом, мы имеем следующую дихотомию:

(+) [<i>сакат</i>]	<i>калечить</i>	(+) [<i>калека</i>]	<i>осакатявам</i>
	<i>уродовать</i>	(±) [<i>урод</i>]	?
	<i>увечить (+)</i>	-----	?
	<i>обезображивать(-)</i>	-----	<i>обезобразявам (-)</i>

С ретроспективной точки зрения двоичный гомогенный знак *обезобразить – обезобразя* прошел путь от эссенциальной номинации к аксиологической: первая обнаруживается в словообразовательной структуре (внутренней форме) глаголов, вторая не позволяет рассматривать их ныне как производные. Если мы, исходя из отношений переводимости, включим р. *уродовать* и б. *осакатявам* в двоичный знак [РБР 1985-1986], то эта процедура будет аналогична указанному выше переходу. В результате получим асинхронный гетерогенный знак с общим компонентом ‘(Y) выглядеть некрасиво’. Между тем для б. *осакатявам* этот компонент является

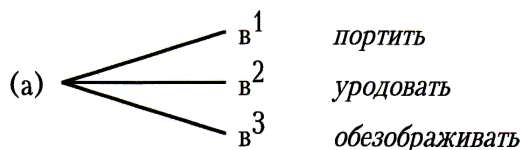
потенциальным, так же как и для существительного *сакат*.

Наоборот, если мы, исходя из тех же отношений переводимости, включим р. *увечить* и б. *осакатявам* в двоичный знак, он будет синхронным благодаря эссенциальному тождеству семантики (+) компонентов.

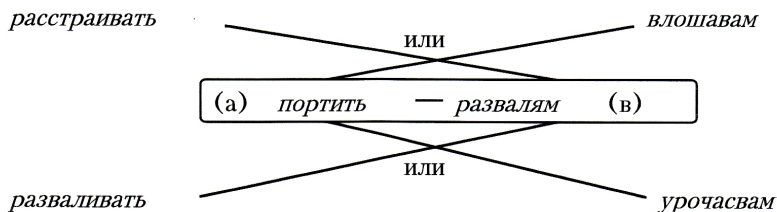
Итак, общая дескрипция ‘делать некрасивым’ в русском языке не находит опоры в одном определенном предикате. В болгарском ее носителем является глагол *грозя* (*загрознявам*). Это обстоятельство не позволяет ему образовывать синхронный знак со строго определенным русским глаголом. Для него можно задать лишь группу асинхронных знаков:

- либо *грозя* – *уродовать* (за вычетом эссенциального компонента);
- либо *грозя* – *портить* (за вычетом компонента ‘делать негодным’);
- либо *грозя* – *обезобразивать* (за вычетом внутренней формы).

В рамках межъязыковой модели можно различать два типа отношений между асинхронными знаками. Первый тип чисто дизъюнктивный, он представлен отношением, рассмотренным выше, при котором семиологический баланс устанавливается за счет редукции значений компонентов до общей дефиниции типа ‘делать некрасивым’. Он имеет следующий схематический вид:

Второй тип асинхронных двоичных знаков совмещает условия конъюнкции и дизъюнкции на базе данного множества попарно ориентированных знаков (а) и (в), или тип *портить* – *развалию*, рассмотренный нами выше. Он имеет следующий схематический вид:

Теперь остановимся подробнее на вопросе о способах презентации в межъязыковой модели соответствий типа *слово* – *сочетание слов*, ср. *зубной врач* – *зъболекар*, *коленича* – *стоять на корточках*. Очевидно, ин-

дивидуальные случаи типа *надвивам* – *одолевать* объяснимы в терминах гетерогенных знаков. Но как быть, если в болгарском языке существует целая серия таких слов, образованных по единой модели и имеющих общее значение ‘побеждать Y-а в каком-либо единоборстве’, ср.: *надигравам*, *надвиквам*, *надсвирвам*, *надскачам*, *надпявам*, *надстрелвам*, *надмятам* и т.д.? Что здесь важнее – слово как крайний результат или сама модель номинации, изображающая превосходство X-а над Y-ом как конфронтативное действие, подчиненное вертикальному градуированию результата? И если некоторым болгарским глаголам даются префиксальные эквиваленты *обыграть*, *перекричать*, а для других возможны лишь дескрипции типа *победить в стрельбе*, *говорении* (ср. **перестрелять*, **переговорить*, **переметнуть*, неадекватные для данного случая), то следует ли из этого, что такое вертикальное видение экспансии является языковым почерком среднестатистического болгарина?

Вопрос следует поставить в иной плоскости: префиксальные спецификаторы экспансивного действия и степень продуктивности словообразовательных моделей в двух языках. Здесь можно прежде всего отметить функциональную значимость вариантов *пре-* и *пере-* для пар глаголов типа *предать* – *передать*, *преступить* – *переступить*, *преградить* – *перегородить*, нерелевантную для болгарского. С другой стороны, сравним б. *подигравам* (*се*) и р. *подыгрывать*, где словообразовательные модели расходятся с типизацией действий, в силу чего *подигравам* может образовывать только дизъюнктивные гетерогенные знаки с русскими глаголами *подшучивать*, *издеваться* (*над кем-либо*) и др. (принижающие действия); б. *зарязвам* ‘бросить, оставить’ (сепарирующее действие) и р. *зарезать* – сов. вид к ликвидирующему *резать*.

Продуктивность словообразовательных моделей в двух языках в целом индифферентна схеме: модели – это механизмы воспроизводства слов по существующему образцу, для них не так существенна семантическая специфика исходной единицы.

В то же время одинаковая для двух языков модель *за-[ключ]-ать* – *за-[ключ]-вам* оказалась в двойственном отношении к схеме блокирующих действий. В русском объектом действия является только Y (*заключить под стражу*), в остальных случаях говорят *закрыть на ключ* (дверь), *запереть на замок* (комнату). Болг. *заклучвам* в прямом значении связывается с помещением, в которое не должен проникнуть посторонний (одна цель действия), а в косвенном – с Y-ом, который не должен покидать помещения (другая цель действия). В русском элемент *ключ* подвергся десемантизации (ср. *заклучить в объятия* – обнять, *заклучить в скобки*), но благодаря транспозиции исходного значения образовано существи-

тельное *заклученный*. В болгарском такая транспозиция невозможна (б. *затворник*) в силу указанной выше специфики.

В итоге на межъязыковом уровне глаголы *заклучать* и *заклучвам*, хотя и отсылают к одному типу действий, не могут образовывать гомогенного знака, что отмечено в переводных словарях. Для перевода используются глаголы-посредники с блокирующим значением:

заклучвам – *запирать, закрывать на ключ*;

заклучать – *затварям, задържам (в затвор)*.

Семиологический дисбаланс может быть продиктован реальными различиями в вербальном структурировании понятийных полей, если под понятийным полем понимать «противопоставление понятий, ищущее выражения в языке» [Кацнельсон 1965: 77]. Например, если задана модель сравнения [(X) *становиться плохим как* (образец сравнения)], то в языке А образцом становится родовое понятие «зверь», в котором элиминируются все аксиологически нерелевантные признаки и остается признак ‘сви-репый, кровожадный’ (р. *звереть*). В языке В эти признаки могут быть, к тому же, персонализированными: б. *овълчвам се* ‘становиться злым/лакомым, как волк’, *закучвам се* ‘упорствовать, упрячиться’ – аналогия с хлопотами во время родов собаки, *вмагарявам се* ‘становиться упрямым/глупым, как осел’, *втелявам се* ‘притворяться глупым, как теленок’, *вампириявам* (перен.) ‘стать кровопийцей, кровожадным, как вампир’ и т.д. Семиологический баланс в данном случае поддерживается самой моделью оценки, дисбаланс же проявляется в том, что в болгарском группа «анималистических» глаголов включает *озверявам се* лишь как частный случай номинации по модели и лишь по одному характерному признаку.

Приведем другой пример. Понятие *вины* в сознании говорящего связывается с поступком, который подлежит осуждению и за которым должно следовать наказание. Глагол *обвинять*, таким образом, обозначает действие, основными целями которого являются определение авторства деяния и тяжести этого деяния (*обвинять кого* и *обвинять в чем*). В семантическом плане ему противопоставлены два действия: <*извинять*> как действие, альтернативное наказанию (в этом смысле – близкое к прощению), и <*оправдывать*> как действие, опровергающее исходное. Альтернативность ведет к сближению семантики глаголов *оправдывать*, *извинять* и к удвоению антонимической связи в тройке слов. Такое же соотношение мы обнаружим и в группе болгарских *обвинявам* – *извинявам*, *оправдавам*.

Теперь обратимся к трехчленному ряду существительных: р. *правда* – *неправда* – *кривда*, б. *правда* – *неправда* – *кривда* (см. сравнительно-историческое исследование [Цейтлин 1988]). В семантическом плане мы

имеем лишь соотношение «истина – ложь». Расхождение между аксиологической и вербальной семантикой связано с синестезией оценочных категорий и линейно-пространственных представлений (существительное *неправда* содержит формальный показатель логического противопоставления). В сфере русских глаголов отсутствует формально-логическое «не»-противопоставление: оно выражено косвенно в приставочном глаголе *извинять* и дистрибутивно – в лексеме *оправдывать*. Болгарские же глаголы образуют усложненную перекрестную структуру:

1.	а) <i>обвинявам</i> — <i>извинявам</i>	2.	а) <i>оправдавам</i> — <i>онеправдавам</i>
	б) <i>окривявам</i> — <i>оправдавам</i>		б) <i>обвинявам</i> — <i>оневинявам</i>
			б) <i>оправдавам</i> — <i>оневинявам</i>
	а) <i>окривявам</i> — <i>онеправдавам</i>		
3.	б) <i>извинявам</i> — <i>оневинявам</i>		

Группировка (1) включает антонимы, образующие аналогичную пару в русском (а) и специфическую пару глаголов с синестезированными значениями оценки-кривизны (б); б. *крив* ‘виновный’ не образует двоичного знака с русским *кривой* ‘неискренний’. Группировка (2) включает формальное противоположение слов по общей модели через отрицание (а), пару слов, для которой *не-* не является отрицанием (б) и глагол *онеправдавам* ‘поступать несправедливо с кем-л., обездоливать’, который по своему значению мог бы рассматриваться отдельно, но по содержащейся в нем и в глаголе *окривявам* ‘несправедливо приписывать вину кому-л.’ этической оценке входит в группу (3). Она состоит из слов, которые по вертикали семантически асимметричны, а по горизонтали синонимичны: для (а) по признаку ‘несправедливый’, для (б) – по признаку ‘справедливый’.

Таким образом, структура данного понятийного поля предполагает: 1) релевантность синонимических связей разнокоренных слов *окривявам* – *обвинявам*; 2) релевантность антонимических связей однокоренных слов *обвинявам* – *извинявам*; 3) релевантность этической оценки *окривявам* – *онеправдавам*, оценки-кривизны *окривявам* – *оправдавам*; 4) логическое противопоставление с отрицанием *обвинявам* – *оневинявам*; 5) нивелирование отрицания в случае комбинации этической оценки и синонимии разнокоренных слов *оправдавам* – *оневинявам*.

В силу существующих различий между понятийными полями двух языков в межъязыковой модели действий аксиологической девальвации обнаруживаются следующие типы знаков:

- Р → Б   *обвинять – обвинявам* (гомогенный знак)
                  обвинять – окривлявам (гетерогенный знак)
- Б → Р   *окривлявам – несправедливо обвинять* (дизъюнкт. знак)
                  оуправдавам – или поступать несправедливо с кем-л.
                  или *обездоливать* (асинхронный знак)

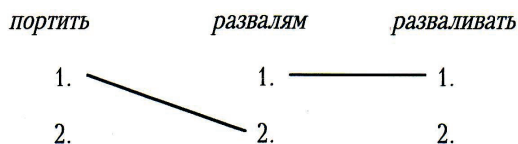
Подведем некоторые итоги. Межъязыковая модель экспансивного действия – это поляризованная вербальная структура, в которой специфические черты языка А и языка В развертываются в ряды двоичных знаков.

С учетом генетического родства языков вводится понятие гомогенного двоичного знака, фиксирующего относительное соответствие форм и отношение однонаправленной импликации типовой семантики действия.

В силу семантического тяготения членов знака к выражению других смыслов, в структуре гомогенного двоичного знака наблюдаются диспропорции. Адекватное отображение этих диспропорций на межъязыковом уровне возможно в терминах «соположенных гетерогенных» (лишенных формальной связи) знаков типа *лгать – клеветя, лъжа – обманывать*. Гетерогенным синхронным является также любой другой знак, в котором устанавливаются только отношения синхронной связи значений (*казнить – экзекутирам*).

Наряду с этим понятие гетерогенного знака охватывает следующие разновидности связи:

1) Семантические пропорции, устанавливаемые *ad hoc* для многозначных слов в двух языках. Если значения обозначить цифрами, то гетерогенные знаки этого типа представляют конъюнкцию исходного (оценочного) значения элемента (а) с вторичным (оценочным) значением элемента (в) при условии, что элемент (в) в своем исходном значении входит в другой гомогенный или гетерогенный знак, например:

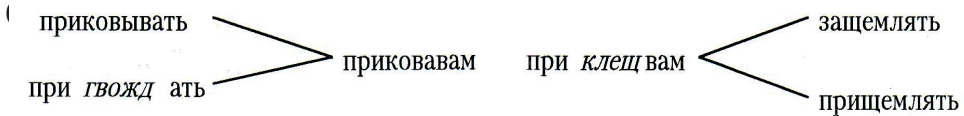

При этом наблюдается скольжение вторичных значений слов в сторону другого фрагмента схемы: для б. *разваляю* от ликвидирующего к действиям аксиологической девальвации (*разваляю си мнение за някого*) и к девальвирующим действиям (*разваляю хлеба* ‘понижать качество

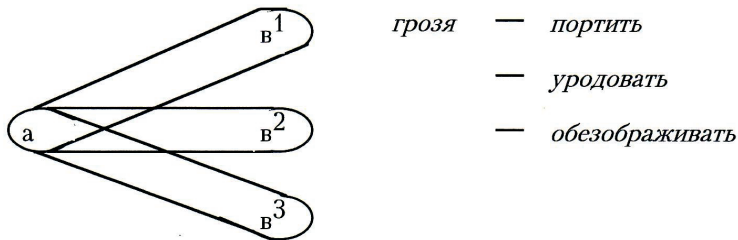
хлеба'). Знак *портить* – *развалию* представляет частный случай «асинхронных гетерогенных знаков».

2. Семантические пропорции, устанавливаемые на базе единства моделей номинации, с учетом дизъюнктивных вариантов обозначения:

Семантические диспропорции порождаются избирательностью внутреннего компонента слов в одном из языков при одной и той же семантике действия.

3. Семантические пропорции, устанавливаемые с некоторой долей вероятности. Это случаи, когда нельзя определить однозначно соотношение между элементами *a*- и элементами *b*-систем, в силу чего пропорция строится на равновероятностном, паритетном объединении уникального элемента *a* и элементов *b1*, *b2*, *b3* в ряд соположенных, взаимно исключающих друг друга знаков:

Обратной стороной этой пропорции является нарочитое исключение дифференциальных семантических признаков элементов (*b*). Это «знаки с односторонней дизъюнктивной связью».

4) Семантические пропорции, устанавливаемые на уровне дескрипций или общих дефиниций действия. Например, дефиниция 'останавливать, удерживать кого-что-л. каким-н. образом' является общей для следующих глаголов: *хватать*, *ловить*, *хващам*, *ловя*; *удить*, *арканить*, *тралить*, *треножить*, *впримчвам*. Мы отмечаем, что для болгарского языка не характерно синкретическое обозначение блокирующего действия и инструмента, в лучшем случае для этого требуется совмещение в имени пространственного и инструментального обозначения (*в-примчвам*). Это продиктовано отсутствием образца. Пропорция возможна лишь в развер-

нутом обозначении, включающем один из глаголов общей группы (*удить – лова с въдица, хващам на въдицата*).

Нетрудно увидеть, что в общую дефиницию действия входят слова с отвлеченной семантикой (либо оценочной), что позволяет использовать их в качестве посредников на межъязыковом уровне. Гетерогенные знаки типа *удить – лова с въдица, треножитъ – спъвам с букаи, тралить – лова с трал; надмятам – побеждатъ в метании, увълчвам се – станомитъ се свирепым/лакомым/диким, как волк* представляют собой реализованную на межъязыковом уровне возможность простого и дефинитивного обозначения действия. Поэтому их можно называть «диффузными двоичными знаками», понимая под диффузией одновременное обозначение события в виде интерпретации и абсолютного знака, которые нельзя расчленишь в сопоставительной модели тезауруса.

Очевидно, полноценная картина взаимоотношений двоичных знаков могла бы быть получена в результате более масштабного исследования языкового материала и, может быть, уточнения некоторых положений. Для нас является существенной попытка рассмотрения межъязыковой модели хотя бы в одной ее части, применительно к одному типу действий. Полученные результаты можно использовать в дальнейшем анализе. Преимущество двоичной тезаурусной модели сопоставления видится также в том, что есть все методологические предпосылки для создания и четкой структурной организации будущего словаря-тезауруса имплицативных связей слов русского и болгарского языков.

ЛИТЕРАТУРА

Болгарско-русский словарь. Ок. 58000 слов. / Сост. проф. С.Б.Бернштейн. М.: Советская энциклопедия, 1966.

Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л.: Наука, 1978.

Български тълковен речник. София: Наука и изкуство, 1976.

Гак 1983 – *Гак В.Г.* Сравнительная типология французского и русского языков. М.: Просвещение, 1983.

ИБЕ 1978 – Институт за български език при БАН. Единството на българския език в миналото и днес // Български език, 1978, № 1.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.

Karcevskij 1929 – *Karcevskij S.* Du dualisme asymetrique du signe linguistique // Travaux du cercle linguistique de Prague, 1929, № 1.

Кацнельсон 1965 – *Кацнельсон С.Д.* Содержание слова, значение и обозначение. М.-Л.: Наука, 1965.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972.

Никитин 1988 – *Никитин М.В.* Основы лингвистической теории значения. М.: Высшая школа, 1988.

Падучева 2007 – *Падучева Е.В.* Когнитивные идеи в теоретической семантике [Электронный ресурс] // The project «Lexicograph» [сайт]. М.: 2005 – http://lexicograf.ru/files/cognit_2007_fin.pdf (08/10/08).

Перванов 1995 – *Перванов Я.А.* Имплицитные аспекты номинации в русском и болгарском языках: Дисс. ... канд. филол. наук. Одесса, 1995.

Перванов 2009 – *Перванов Я.А.* Имплицитные аспекты номинации в русском и болгарском языках [Электронный ресурс] // Tesionline: share your knowledge [сайт]. 2000 – <http://www.tesionline.it/default/tesi.asp?id=27838> (09/09/09).

Пиаже 1983 – *Пиаже Ж.* Схемы действия и усвоение языка // Семиотика. / Отв. ред. Ю.С.Степанов. М.: Радуга, 1983.

РБЕ 1977-1987 – Речник на българския език. София: Изд-во на БАН, 1977-1987.

РБР 1985-1986 – Руско-български речник: русско-болгарский словарь. София: Наука и изкуство, 1985-1986.

Серебреников 1976 – *Серебреников Б.А.* Сводимость языков мира, учет специфики конкретного языка, предназначенность описания // Принципы описания языков мира. М.: Наука, 1976.

СО 1984 – Словарь Ожегова. / Под ред. Н.Ю.Шведовой. М.: Русский язык, 1984.

Солнцев 1976 – *Солнцев В.М.* О соизмеримости языков // Принципы описания языков мира. М.: Наука, 1976.

Супрун 1987 – *Супрун А.Е.* Лексическая типология славянских языков. Минск: Изд-во БГУ, 1987.

Сятковский 1984 – *Сятковский С.* За същността на съпоставително езиковедие // Съпоставително езиковедие, 1984, № 5.

Уфимцева А.А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980.

Успенский 1962 – *Успенский Б.А.* Принципы структурной типологии. М.: Изд-во МГУ, 1962.

Цейтлин 1988 – *Цейтлин Р.М.* Лексика славянских языков X-XI-XIV-XV вв.: Результаты сопоставительного исследования // Славянское языковедие: X Международный съезд славистов. / Доклады советской делегации. М.: Наука, 1988.

Червенкова 1982 – *Червенкова И.В.* О сопоставительном описании русской и болгарской лексики // Вопросы сопоставительного описания

русского и болгарского языков. София: Наука и искусство, 1982.

Чонгарова 1992 – *Чонгарова И.* Формально сходная лексика русского и болгарского языков как объект лексикографирования // Болгарская русистика, 1992, № 1.

Швейцер 1988 – *Швейцер А.Д.* Языковые и внеязыковые аспекты перевода // Методы сопоставительного изучения языков. М.: Наука, 1988.

Юсупов 1988 – *Юсупов Ю.К.* Сопоставительная лингвистика как самостоятельная дисциплина // Методы сопоставительного изучения языков. М.: Наука, 1988.

Ярцева 1981 – *Ярцева В.Н.* Контрастивная грамматика. М.: Наука, 1981.